

Среда 2-го Іюля 1914 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-пetersбургскихъ театровъ

А. П. ЧЕХОВЪ.

Къ десятилѣтію со дня смерти.

Долгими зимними сумерками въ темной залѣ, гдѣ скользятъ только бѣлые лучи свѣта съ улицы и тишину которой нарушаютъ только смутные отголоски уличной суеты, хочется думать о Чеховѣ. Его ушедшій въ непроглядную даль образъ словно тутъ, близко, и шепчетъ ласковые слова. Пивецъ тоскующей души—онъ, угадалъ грусть этихъ сумерекъ и отзывается на нее всѣмъ своимъ, вѣрнымъ, мягкимъ, сердечнымъ. Сумеречные! почти незамѣтные люди съ ихъ сумеречными печальми,—какъ зналъ ихъ Чеховъ! Едва ли не онъ первый показалъ трагедию души, которая не выливается наружу въ крикахъ и рыданіяхъ, а таится глубоко внутри, долго надыхаетъ человека и только иногда подъ камнемъ разражается бурей оскорбленныхъ надеждъ и вѣрованій. Чеховскіе герои носятъ въ себѣ невыразимую муку и тоску, порой прямо задыхаются отъ отчаянія, но... посмотрите-ка на нихъ! Съ перваго взгляда почти нѣтъ признаковъ переживаемой драмы.

Они какъ будто живутъ достаточно ровно и спокойно. У нихъ извѣстное общественное положеніе, друзья, семья и проч. Все какъ слѣдуетъ, и, казалось бы, жизнь должна катиться по гладкимъ рельсамъ до своего естественнаго конца. Но въ томъ-то и весь ужасъ такъ мучительно ярко парисованной Чеховымъ действительности, что эта плавная, гладкая жизнь является въ сущности эгоіей народной души.

Но раньше чѣмъ проникнуть въ тайники этой трагедіи надрыва и тоски, Чеховъ пропелъ промежуточный путь, на первый взглядъ ничего общаго не имѣвшій съ его послѣдующимъ творчествомъ. Какъ извѣстно, Чеховъ началъ юмористикой во вкусѣ «Будильника», «Стрекозы» и проч. Началъ легкимъ, порой легкомысленнымъ смѣхомъ по адресу всѣхъ и вся. Весело, заразительно, до упаду хохоталъ. При всемъ желаніи въ этихъ юмористическихъ вещахъ ранняго періода нельзя усмотрѣть, какъ это, однако, пытаются дѣлать нѣкоторые, того палета грусти и меланхоліи, который бы ихъ соединилъ родственной связью съ позднѣйшимъ чеховскимъ настроеніемъ. Итакъ, Чеховъ началъ пустымъ поверхностнымъ смѣхомъ, смѣхомъ фарса или шаржа—все равно, какъ его ни называть.

Нельзя называть этому смѣху никакихъ трагическихъ нотъ, но все-таки, оглядываясь на всю жизнь писателя, задаешься вопросомъ: что это былъ за смѣхъ? Онъ потыпалъ имъ публику, но тыпнулъ ли себя? Люди, которые много и часто смѣются—полю, въ самомъ ли дѣлѣ имъ такъ весело? Развѣ нѣтъ комическихъ актеровъ, которые выкидываютъ на сценѣ невѣроятные фокусы, но стоитъ имъ сбросить шутовскій нарядъ и смуть румяна, какъ они становятся хмурыми, насупленными, съ червякомъ въ сердцѣ, настоящими чеховскими типами. Хохотать по обязанности, по профессіи—о, къ этому очень и очень можно привыкнуть, какъ и ко всякому другому занятію. Но мало-по-малу, Чеховъ неуловимо освобождался отъ этого паясничества,—неуловимо потому, что онъ какъ будто не переставалъ смѣяться, но самый смѣхъ дѣлался инымъ, съ налетомъ искреннихъ и только ранние затаенныхъ переживаній, съ нотками надрыва. И, наконецъ, смѣхъ обратился въ

тотъ чеховскій юморъ, отъ котораго вѣсть пости-
нѣ ужасомъ отчаянія. Бываетъ такой юморъ, та-
кая нѣмая истерика души. Все истѣбло внутри—
и нѣтъ силъ даже рыдать. И вотъ человѣкъ улы-
бается. Но какой улыбкой! Блѣдной, безкровной,
какъ нѣчто придушенное, сжатое въ тискахъ.
Улыбается даже передъ лицомъ самой гибели, ко-
торая уже его обвила своимъ ледянымъ дыха-
ніемъ. Люди такъ подавлены, что даже не смѣютъ
выражать своихъ страданій. Выражать страданія—
это словно роскошь для немногихъ. Остальные
улыбаются.

Вы помните смерть Иванова? Провинциальный
свадебный балъ въ разгарѣ. Картина торжеству-
ющей пошлости. Женихъ, уже отравленный ядомъ
смерти, принимаетъ съ безпечно обжудавшей
улыбкой поздравленія. Звенятъ бокалы шампан-
скаго. Суетится праздная толпа кумушекъ. И
вдругъ это сухое, короткое, прощальное «оставьте
меня», сухой трескъ выстрѣла—и нѣтъ Иванова,
только что улыбававшегося въ своей роли счастли-
ваго новобрачнаго... Такова эта улыбка, эта улы-
бающаяся гримаса смерти. Она долго кривилась и
черты самого Чехова. Но позвольте отмѣтить одну
удивительно трогательную черту.

Скорбный меланхоликъ въ послѣдній періодъ
своей жизни—онъ, по мѣрѣ того, какъ смертель-
ный недугъ подтачиваетъ его силы, какъ бы
свѣтлѣетъ душой и, наперекоръ злой болѣзни,
всплываетъ въ розовую высь. На порогѣ могилы раз-
дается его голосъ—попрежнему скорбный, но
сквозь печаль и сумракъ дѣйствительности звеня-
щій чистой надеждой на какой-то радостный лучъ
спереди. Умирающій—онъ словно заглядываетъ
въ ту даль будущаго, которая закрыта непро-
цаемой завѣсой отъ живущаго, и видитъ въ ней
свѣтлыя умиляющія картины. И самая смерть
уже не рисуется ему костлявой безобразной ста-
рухой съ клюкой, а прелестной феей-освободи-
тельница отъ вѣхъ тѣлотъ земли.

Гдѣ же, однако, источникъ той тратели, ду-
шевнаго краха, холоднаго ужаса, разбѣдающаго
все существо человѣка, который нашелъ себя въ
Чеховѣ такого потрясающаго изобразителя? Че-
хевъ ясно въ длинномъ рядѣ своихъ произведеній
отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Тусклости, проза
свержающаго, отсутствие яркихъ красокъ, радо-
стей, идеаловъ, однообразіе обстановки—вотъ его
грозный и безпощадный во всей своей правдиво-
сти отвѣтъ. За послѣднія десятилѣтія въ удушья-
вомъ смрадѣ погасли всѣ лучшія стремленія, все
живое—живыя мысли, чувства, слова. Усталые,
надорванные, мы отдавались подъ власть сѣрыхъ
будней и теряли постепенно всякій высшій духов-
ный интересъ къ жизни. Жить становилось не-
чѣмъ и не изъ-за чего. Вспомните огромную га-
лерею чеховскихъ нежившихъ себя героевъ, людей,
у которыхъ духовная смерть значительно опереди-
ла физическую. Особенно ужасна картина безна-
дежно опустившейся интеллигенціи. Либо сухіе и
скудные карьеристы, люди въ самыхъ разнообраз-
ныхъ футлярахъ, либо алкоголики, развратники,
картежники, кутилы, либо, наконецъ, пытки, до-

живающіе свой вѣкъ въ безсильныхъ порываніяхъ
къ чему-то даже для нихъ самихъ туманному,
смутному. И это даже на такихъ вершинахъ
интеллигенціи, которыя, казалось бы, крѣпко-на-
кѣпко застрахованы отъ полнаго нравственнаго
распада. Возьмемъ, напримѣръ, стараго профессо-
ра въ «Скутной исторіи». Вся жизнь и дѣятель-
ность его окружены были такой атмосферой науки
и труда, что, оглядываясь на нее, можно было чув-
ствовать только глубокое удовлетвореніе. И что
же? Старый профессоръ, подводя итоги, приходитъ
къ заключенію, что онъ дѣлалъ совсѣмъ не то, что
нужно, и совсѣмъ не такъ какъ нужно. Фальшь
была во всемъ. Въ его отношеніяхъ къ студентамъ,
у которыхъ онъ добивался популярности, въ отно-
шеніяхъ къ пациентамъ, которымъ онъ старался
внушать вѣру въ свой авторитетъ, въ отноше-
ніяхъ къ семьѣ, которая его цѣнила только какъ
надежную опору для удобнаго и обезпеченнаго су-
ществованія. Фальшь, фальшь... И когда старый
профессоръ, сознавъ это, хочетъ быть искреннимъ,
ему остается только сознать свое безсиліе. Моло-
дая, чистая женская душа спрашиваетъ его, какъ
жить. И, онъ, хмуро поныкавъ головой, признает-
ся: «не знаю»... Онъ, достигшій, кажется, вер-
шинъ общепризнаннаго благополучія!.. Что же
послѣ этого говорить о другихъ!? Въ эти врачъ,
которые съ университетскою скамьи не прочли ни
одной книги, адвокаты, по ошибкѣ защищающіе
одного вмѣсто другого, инженеры, производящіе
измѣренія несуществующихъ полей, чиновники,
играющіе отъ зеленной скуки въ карты, назван-
ныя вмѣсто тузовъ, королей и пр. по фамиліямъ
своихъ начальниковъ, земцы, протягивающіе му-
зыкамъ руку въ перчаткахъ, помѣщики, топящіе
собакъ, и пр., пр.—все это накинъ безвременья,
люди безсильной, безрылой души. Муть будуще-
ней пошлости, въ которую они погрязли по уши,
давить ихъ—и рано или поздно, но наступаетъ
моментъ, когда нарывъ прорывается, и сознаніе
безсмысленно проведенной жизни создаетъ траге-
дію безвыходнаго отчаянія. Что можетъ быть ужас-
нѣй безсильна души?! Самыя простыя, самыя обы-
кновенныя движенія сердца оказываются тогда уже
недоступными. Въ чеховскомъ разсказѣ старый
архитекторъ Узелковъ («Старость») случайно по-
падаетъ въ покинутый имъ еще въ молодости
родной городъ и узнаетъ тамъ, что стало съ его
бывшей женой. Брошенная имъ, она низко опусти-
лась въ захолусты, гдѣ неоткуда было ждаться да-
же слабаго луча свѣта, попала въ руки негодяевъ,
спизася и въ горячкѣ умерла. Узелковъ на мгно-
веніе отдался во власть прошлаго... Очутившись
на кладбищѣ, полный думъ о своей одинокой ста-
рости, онъ съ тяжелымъ чувствомъ стоялъ у же-
линой могилы.

Ему вдругъ захотѣлось плакать, страстно, какъ ко-
гда-то хотѣлось любить. И онъ чувствовалъ, что плачетъ
этотъ вышедъ бы у него вусный, ослѣжающій. На гла-
захъ выступила влага, и уже къ горлу подкатилъ комъ,
но... рядомъ стоялъ Шакинъ, и Узелковъ устыдился
малодушествовать при свидѣтеляхъ. Онъ круто повернулъ
назадъ и пошелъ къ церкви.

Итакъ, полнѣйшая неспособность подаваться

искреннимъ влеченіямъ, и отсюда постепенное замѣраніе всѣхъ сердечныхъ струй. На что ужъ слабѣе, ароматное, поэтическое чувство—любовь—и оно сплошь и рядомъ прямо путаетъ бессильныя чеховскія души. Въ разсказѣ «Вѣрочка» молодой статистикъ Огневъ путается, когда чудная дѣвушка съ трогательною искренностью первая признается въ своемъ чистомъ чувствѣ.

— Я... я люблю васъ!

Эти слова, простые и обыкновенныя, были сказаны простымъ человѣческимъ языкомъ, но Огневъ въ сильномъ смущеніи отвернулся отъ Вѣры, поднялся и пошелъ за смущеніемъ почувствовать испугъ.

Грусть, тоска и сентиментальное настроеніе, навѣяныя на него прощаніемъ и наливкой, вдругъ исчезли, уступивъ мѣсто рѣзкому, непріятному чувству неохоты. Точно перевернулась въ немъ душа. Онъ косился на Вѣру, и теперь она, послѣ того, какъ, объяснившись ему въ любви, сбросила съ себя неприветливую маску, казалась ему какъ будто ниже роста, проща, темнѣе.

Здѣсь необходимо еще коснуться женскихъ образовъ Чехова. Какъ тургеневскія, такъ и чеховскія героини отмѣчены особой печатью чистой, мечтательной поэзіи. Имъ особенно душно въ создавшейся вокругъ тяжелой атмосферѣ, онѣ съ особой страстностью ищутъ выхода, рвутся къ свѣту и простору. Иныя, впрочемъ, смиренно несутъ свой крестъ—и для этой красоты женскаго самоотверженія Чеховъ находитъ самыя трогательныя воплощенія. Иныя протестуютъ и даже падаютъ въ непосильной борьбѣ, и нашъ писатель дышитъ безграничною жалостью къ этимъ жертвамъ уродливыхъ условій жизни. Въ разсказѣ «Несчастье» молодая женщина тщетно борется съ черствой апатіей и полнымъ равнодушіемъ къ ея душевному міру, какое проявляетъ въ законный супругъ. Облѣзившемуся, жиромъ залпыншему мужу нѣтъ никакого дѣла до того, какъ она томится пустотой и скукой, какъ она жаждетъ хоть какого-нибудь смысла и цѣли въ жизни. А покушеніе близко: молодой адвокатъ тутъ неотступно возлѣ... Онъ говоритъ зажатые рѣчи, онъ зоветъ ее куда-то. Самое ужасное,—что она даже и не вѣритъ этимъ благороднымъ рѣчамъ, но и такъ жить, какъ прежде, ей не подъ силу. Она дѣлаетъ послѣднюю попытку остаться вѣрной женой и матерью, она прямо говоритъ обо всемъ мужу, и тотъ, сонный, вялый, съ первыхъ же фразъ останавливаетъ ее избитыми сентенціями, и этимъ все и ограничивается. Отъ тупого самолюбства мужа ей дѣлается такъ холодно, непріятно, жутко, а весенній ветеръ махитъ томной свѣжестью, празнич-

натынутые нервы... Нѣтъ, больше невозможно: будь что будетъ, пусть позоръ, раскаяніе, укоры совѣсти, но не это ужасное, гнетущее отчужденіе отъ всего живущаго, дышащаго теплотой и хотя призрачною лаской...

Жизнь блѣдная и скучна, зато есть другой роскошный, сверкающій то восторгомъ и вдохновеніемъ, то свѣтлымъ умиляющимъ порывомъ міръ. Это—міръ дрезъ и мечтаній. И Чеховъ часто заставляетъ своихъ героев мечтать. О чемъ? Конечно, все о томъ же: о новой прекрасной жизни. Она кажется то безконечно далекой, то, наоборотъ, очень близкой, и потому съ какимъ-то радостнымъ трепетомъ прислушиваешься къ тайнымъ голосамъ сердца, шепчущимъ о ея скоромъ приходѣ. Въ «Трехъ Сестрахъ» есть прелестная, позная, волнующаго настроенія, сцена. Среди пустыхъ разговоровъ провинціальнаго кружка вдругъ всѣхъ собравшихся объѣзжаетъ какое-то особенное дыханіе предчувствій и желаній. Тихія сумерки, звуки музыки вдали... И одинъ болѣе другихъ чуткій выражаетъ общее настроеніе неожиданной коротенькой фразой: «Еще немного, и мы узнаемъ, зачѣмъ мы живемъ. Если бы знали, если бы знали!»... И опять робкая, но сладкая пауза, въ которой блаженно замерли усталые люди, которымъ такъ хочется отдыха отъ тревожныхъ заботъ жизни.

«Мы отдохнемъ»,—утѣшаетъ кроткая Соня дядю Ваню. И тотъ съ глазами, полными слезъ, гладитъ ей головку, вѣрить, хочетъ вѣрить... «Мы услышимъ ангеловъ, увидимъ небо въ алмазахъ»—шепчетъ ему Соня, умиленная предчувствіемъ нездѣшняго счастья. И надорванному страданіемъ чудится, что онъ уже видитъ лазурный небос и съ далекихъ прекрасныхъ звѣздъ доносится чудная гармонія... А за окномъ стонетъ метель... Холодно, жутко!..

И вотъ это дѣтски-чистое Сонино «мы отдохнемъ» и есть та жаждная, свѣтлая чеховская тоска по иному міру, гдѣ живутъ прозрачныя несенія души, гдѣ Любовь, Добро и Красота—не жалкія слова, а воплощенные въ каждомъ атомѣ окружающаго животворнаго божества, разливающія свой радостный свѣтъ лучами голубого эфира.

Увы, суждено ли когда-нибудь сбыться этой мечтѣ?

Вольмаръ.